

Миссис Уизли, возможно, немного потеплела к Холли, увидев пользу от её уроков, но она не собиралась позволять Гарри и Холли уединяться. Если родители Уизли не следили за ними, то за ними присматривали Гермиона и Ремус. Никто никогда ничего не говорил, но любое движение Гарри, чтобы подтолкнуть Холли в пустую комнату или встретиться с ней вне туалета (или даже внутри него), всегда было замечено и отмечено взглядом одного из нежелательных сопровождающих Гарри. Встречи в общественных местах для законных занятий были в порядке вещей, поэтому они время от времени обменивались письменными сообщениями, ведя другой разговор для подслушивающих.

Прошло два полных дня - вплоть до ночи перед слушанием, - прежде чем Гарри нашел решение того, что Холли называла его проблемой Рапунцель. По какой-то причине Холли настаивала на том, что если она ему нужна, то он должен прийти к ней. Его предыдущие попытки были прерваны спотыкающимися и кричащими сглазами, настороженными ночными родителями и даже неудачным стечением обстоятельств, когда Фред испытал испорченный обморочный каприз, заставивший его запеть ""Разве это не было бы любовно"" как раз в тот момент, когда Гарри поднимался мимо их комнаты. План Гарри включал в себя сообщников, специальное оборудование, ложное направление и незадачливую жертву.

После ужина Гарри "случайно" подсыпал Рону и себе немного дремотного порошка из коллекции экспериментов близнецов. Рон и Гарри упали на пол в тот момент, когда вокруг них возникло облако, и, без сомнения, кто-то из взрослых левитировал их в свои постели на ночь. В случае с Гарри он засунул в щеку пастилку "Широкий глаз", и уже через час после того, как его "уложили спать", растворяющий раствор подействовал на порошок, и Гарри проснулся. Соорудив под одеялом подходящий образ Гарри, он отключил палочкой Макнейра триггеры заклинаний на их двери и выскользнул наружу, чтобы незамеченным вернуться в комнату Сириуса, прикрытую плащом.

Гарри открыл и закрыл за собой дверь так быстро, как только мог, поэтому, обернувшись, он не заметил, что Холли не сидит на кровати - она свисает с потолка. На самом деле Гарри смотрел прямо на ее обтянутую черным платьем задницу, находившуюся в четырех дюймах от его лица.

Гарри на мгновение вспомнился эффект обратной гравитации, с которым он столкнулся в лабиринте Турнира, и ощущение дезориентации. Холли, похоже, не страдала так, как он. Несмотря на покрасневшую кожу, она наклонилась, чтобы коснуться пальцами босых ног потолка, с какой-то практической легкостью. Гарри задохнулся. Мало того, что это движение было восхитительно провокационным, он еще и любовался тем, как ее нижняя рубашка без рукавов и облегающие велосипедные шорты прилипли к ее мокрому от пота телу; как будто они представляли собой не что иное, как слой густой черной краски на ее коже. Поддавшись искушению, он потянулся вверх и ущипнул ее за попку.

Холли вскрикнула и, видимо, каким-то образом потеряла хватку, так как кувыркнулась вниз на Гарри - ее ноги скользнули по его груди, а ступни ударили его по лицу. В итоге они спутались на ковре Сириуса.

Холли поднялась и толкнула его, сказав: "Ой!".

"Ай, ты сам!" Гарри ответил: "Что ты там делал?"

"Упражнялся. Мне удалось заставить сработать заклинание паучьего прикосновения, так что я занимался бэтранчем".

"Так вот почему ты одет в черное?"

"О, конечно, это традиция", - фыркнула она. "Ты глупый болван - юбки и пуговицы немного непрактичны для этого, а я всегда покупаю нижнее белье черного цвета. Оно скрывает множество грехов... кроме дырок и перхоти". Они поднялись на ноги, осматривая по пути возможные синяки.

Гарри пробормотал: "Ты когда-нибудь перестанешь объяснять?"

"Нет, когда тебе еще так многому предстоит научиться. Я работаю со всем, что попадается под руку, потому что не всегда могу объяснить эти жемчужины мудрости без контекста".

Настроение Гарри стало мрачным. "О, например, что ты еще и лесбиянка? Мы много говорили о сексе, но почему-то это никогда не всплывало? Я видел, как ты смотрел на Джинни - не думаю, что она в твоём вкусе! О, подожди. А у тебя есть свой тип, или все на одно лицо?"

Холли наклонила голову и прищурилась.

Гарри услышал, как он пробурчал: "Иногда я удивляюсь, зачем я вообще с тобой связался. Кто знает, сколько людей видели твои "активы". Мне становится плохо от одной мысли об этом".

Она подняла бровь и спросила: "Куда ты спешишь, Гарри?"

"Что ты имеешь в виду?"

"Ты очень стараешься разозлить меня - большинство людей ждут, когда я их поймею, чтобы назвать меня шлюхой".

"По крайней мере, ты знаешь, что ты такое".

Холли зло усмехнулась и шагнула прямо к лицу Гарри. Она отбила руку, которой он собирался ее оттолкнуть, а другой рукой погладила лоб Гарри, проведя большим пальцем по его шраму.

Гарри вздрогнул от боли. Холли наклонилась и прошептала: "Гарри, я говорю это не только потому, что ты страдаешь от подглядывающего Тома".

"Что говорю?"

"Я люблю тебя". Затем она поцеловала его в губы.

Гарри уже собирался оттолкнуть Холли от себя, но слова заставили его замереть в шоке. Холли создала между ними какую-то странную цепь: от ее губ через его голову, через пульс на лбу, вниз по ее руке, к центру и обратно к их поцелую. Это было похоже на сырую страсть - не гнев, не похоть, не ненависть, а просто эмоциональная энергия. Он обнаружил, что его руки снова вцепились в плечи Холли, и рефлекторно оттолкнул ее, разрывая цепь.

Он чувствовал себя так, словно ему нужно пробежать марафон или два, возможно, после остановки, чтобы повалить на землю разъяренного Гиппогрифа. "Что, черт возьми, ты со мной сделала?"

"Не я, Гарри. Думаю, бедняга Том не хочет еще одной мигрени. Он пытался разворошить твою голову, как осиное гнездо, чтобы мы держались подальше друг от друга".

"Я думаю, ты лжешь, и..."

Холли уже подалась вперед, прижимаясь к его телу, и теперь прервала размышления Гарри, взяв в руки его внушительную эрекцию через пижамные штаны. Она массировала его сквозь ткань, прижимаясь к нему и склоняя голову к его плечу.

Она прошептала: "Я не могу тебе лгать, Гарри. Просто не могу. Теперь, когда я вспотела, я очень возбуждалась, и я знаю, что ты пришел сюда не для того, чтобы причинить мне боль. Поэтому я предлагаю тебе взять все остатки злости и раздражения, которые у тебя есть, направить их в свой член и колоть меня им, пока тебе не станет лучше".

Судя по тому, как Холли смотрела на него, она с нетерпением ждала, когда ее проткнут. Гарри был раздражен настолько, что воспринял это как разрешение воспользоваться всплеском горячих эмоций, хлынувших в него.

Он взял ее голову обеими руками, наклонил ее челюсть вверх и глубоко поцеловал. Когда она ответила на поцелуй, он провел пальцами по ее шее до воротника, схватил нижнюю рубашку и разорвал ее, обнажив бледную грудь. Холли отступила назад и задохнулась: в ее лице смешались удивление и настороженность с оттенком предвкушения. Она отпустила его член и подняла руки перед собой, готовая защищаться.

Гарри остановился, затем сказал: "Если ты готова сдаться мне, подними руки над головой".

Холли моргнула, затем подняла руки вверх, и ее улыбка росла по мере того, как они поднимались все выше. Она остановилась, когда руки были полностью вытянуты к потолку, что создавало очень уязвимую и провокационную позу.

Гарри подался вперед и провел пальцами по ее обнаженной спине, щекоча живот, грудь и шею, а затем снова опустился вниз, слегка касаясь ребер, боков и бедер. Он продел пальцы под резинку пояса Холли, затем спустил ткань трусиков и шорт, обнажив ее белую плоть - выпуклость бедер, округлый изгиб ягодиц, крепкие мышцы бедер. Спустив ткань с ее колен, он вдохнул первобытный запах - остатки ее телесности, смешанные с чем-то пьянящим - тонким и сладким парфюмом.

"Что на тебе надето?"

<http://bllate.org/book/17372/1629360>